

Запись разговора с жителями деревни Петрищево Верейского района Московской области — очевидцами зверской расправы с девушкой-партизанкой

3 февраля 1942 г.

Седова Валентина Николаевна (11 лет)

Ее привели к нам три патруля, вели ее рядовые. Откуда ее привели, я ее не знаю. Одета она была в меховом пиджаке, коричневого цвета, сапоги у нее были холодные, подшлемник серый. На плечах у нее была сумка, на руках — овчинные варежки зеленого цвета, обшитые брезентом. Я сидела на печке, мама — в кухне. Они открыли дверь и ввели ее. Один держал ее руки сзади. Вначале вошел патруль, потом <ввели> ее. Все трое немцы. По-русски говорить не умеют. Они ее прижали к печке (один из них взял за грудную клетку и прижал), а двое стали обыскивать. Во время обыска были и другие солдаты, которые жили в этой хате (15-20 человек). Они были в другой комнате и смеялись.

Обыск. Сняли сумку зеленого цвета (рюкзак) и поставили возле печки. Потом сняли сумку с отделениями для бутылок, которая висела через плечо. В этой сумке нашли 3 бутылки, которые открыли, нюхали, затем положили их обратно в чехол. Затем нашли у нее под пиджаком на ремне наган, который рассматривали. Я слезла с печки и ничего больше не видела. Как говорит моя сестра Нина (8 лет), которая осталась сидеть на печке, которая сказала, что ее раздели, раздевали ее трое. Вначале сняли пиджак с воротником коричневого цвета, потом сняли подшлемник серого или коричневого цвета. Потом сняли курточку, сапоги. Осталась она в защитных теплых брюках, в носках и белого цвета кофточке с воротничком. Обыскивали и раздевали, ей вопросов не задавали, а переговаривались между собой и ржали. Потом старший из них (погоны и 2 кубика) скомандовал: «Русь, марш», и она повернулась и пошла со связанными руками. Все это было в декабре месяце, в первых числах. Больше я ничего не знаю, куда их повели. При допросе переводчика не было. С ней не разговаривали, вопросов ей не задавали. При обыске она стояла с опущенной головой, не улыбалась, не плакала, ничего не говорила.

Седова Мария Ивановна (31 год) — мать ее

Привели ее вечером, часов в 7 или 7.30 минут. Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан». Брюки я не знаю, какого цвета, темные... Подшлемник они бросили, и он все время валялся. Варежки взял повар немецкий.

Была у нее защитного цвета плащ-палатка, она испачкана в землю. Плащ-палатка сейчас у меня. Держали ее у нас минут 20. Слышно было, как ее били по щекам — раз пять. Она при этом молчала. Куда увели её, не знаю. Волосы у нее короткие, черные, завитые, <глаза> — красивые, чернобровые, лицо — продолговатое, красивая девушка, губы толстенные, маленькие.

Запись верна: Седова М.

Седова В.

Адрес: дер. Петрищево, Грибцовского с/с, Верейского р-на.

Живая запись беседы с гр. Ворониной Авдотьей Петровной (67 лет)

Живет со мной старик — муж мой. Он глухой и немой. Еще живет со мной дочь с двумя детьми.

Привели ее после Седовых. Я топила печь. Смотрю — ведут. Они мне кричат: «Матка, это русь, это она «фу» — сожгла дома». Она при этом молчала. Ее посадили возле печки. Привели ее 5 человек, и еще у меня были немцы — 5 человек. У меня на квартире был и штаб войска связи.

Когда ее обыскивали, то меня позвали и сказали — вот, мать, чем дома подождены, и показали ее бутылки, и опять повесили ей на плечи. Внизу на ней была вязаная фуфайка. Белье нижнее было байковое. Когда ее раздели, то белье выбросили. Мне они приказали лезть на печку, а дочь посадили на кровать. Начальник стал спрашивать по-русски: «Ты откуда?» Она ответила: «Я из Саратова» — «Куда ты шла?» Она ответила: «На Калугу». — «Где ты фронт перешла?» Ответ я не расслышала. «Прошла я фронт за 3 дня». — «С кем ты была?» — «Нас двое было. Вторая попала в Кубинке151». — «Сколько ты домов сожгла?» Она ответила — три. Нашли у нее 3 куса сахара и щепотку соли нашли в кармане. «Где ты что еще делала?» Она сказала, что больше ничего не делала.

Ее стали после этого пороть. Пороли ее 4 немца, 4 раза пороли ремнями, так как они вышли с ремнями в руках. Ее спрашивали и пороли, она молчит, ее опять пороли. <В> последнюю порку она вздохнула: «Ох, бросьте пороть, я больше ничего не знаю и больше ничего вам говорить не буду».

Когда пороли, то начальник несколько раз выходил из комнаты и брался за голову (переживал). А те, кто порол, ржали во время порки. Всего ей дали больше 200 ремней.

Пороли ее голой, а вывели в нижней рубашке. Крови не видно. Когда ее вывели, вид у нее был очень слабый. После порки ее вывели в нижней рубашке в другую комнату и поставили к печке, затем вывели ее босую в нижней рубашке. Куда — не знаю .

Держала она себя мужественно, отвечала резко. Привели ее к нам часов в 7 вечера. Была она у нас часа три. Вывели ее из комнаты на улицу много немцев. На нее прибежали смотреть немцы, начальник был очень грубый, хорошо говорит по-русски. При допросе переводчик не присутствовал. Он появился тогда, когда ее вывели. Был он минут 10 и ушел. Когда я у него спросила, что с ней будет, он ответил, что завтра часов в 10 будет виселица. Немцы прибежали (человек 150) часов до 2 и смотрели, и смеялись. Куда ее увели, я не знаю. Увели ее от нас часов в 10 вечера. Наутро почти против моего дома немцы сделали виселицу — вкопали столб метра три, к нему планку сверху, а к ней веревку. Делали ее утром — часов в 8 утра. Делали вешалку 3 человека. Потом я видела, как наутро, часов в 10-11, и ее вывели из дома Куликов. Вывела ее группа немцев, возле этой группы шло много немцев и шло много гражданского народа — шли из сел: Златоустово, Ильятино и др. Они шли к своим домам и попутно присутствовали при этом. Я вернулась, так как насмотрелась и не могла идти. Больше ничего не знаю. Я уже ходила тогда, когда она уже висела, т.е. прошел уже 1 час. Висела с повешенными руками, на груди дощечка сантиметров 30, с надписью: «Поджигатель домов», написано по-русски и по-немецки. По-русски написано крупными, а по-немецки — мелкими <буквами>. Белье ее : фуфайку желтоватую, пуховую, теплую и теплые кальсоны забрали немцы. Повесили ее в первых числа декабря. Висела она месяца полтора. Дня за три как им уехать, немцы приказали ее снять, приказали снять старосте. Ее сняли, вырыли яму и закопали.

Запись верна. Адрес тот же. Варонина(2)

Живая запись беседы с: 1) гр. Кулик Прасковьей Яковлевной (33 года). Откуда ее вели, я не знаю. В эту ночь у меня на квартире было 20-25 немцев, часов в 10 я вышла на улицу. Ее вели патрули — со связанными руками, в нижней рубашке, босиком и сверху нижней рубашки верхняя мужс<кая> нижняя рубашка. Мне они сказали: матка, поймали партизана. Ее привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у нее были черные-черные, спекшиеся и вздутое лицо на лбу. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: можно? Они сказали — нет, и один из них вместо воды поднес к подбородку горящую керосиновую лампу без стекла. Но затем разрешили ее попить, и она выпила 4 стакана. Посидев полчаса, они ее потащили на улицу. Минут 20 таскали по улице босиком, потом опять привели. Так, босиком ее выводили с 10 часов ночи до 2 часов ночи — по улице, по снегу, босиком. Все это делал один немец, ему 19 лет.

Потом этот 19-летний улегся спать, и к ней приставили другого. Он был более сознательным, взял у меня подушку и одеяло и уложил ее спать. Немного полежав, она попросила у него по-немецки развязать руки, и он ей руки развязал. Больше ей руки не связывали. Так она уснула. Спала она с 3 часов до 7 часов утра. Утром я подошла к ней и стала с ней разговаривать. Я спросила: «Откуда ты?» Ответ — московская. «Как тебя зовут?» — промолчала(3). «Где родители?» — промолчала. «Для чего тебя прислали?» — «Мне было задание сжечь деревню». — «А кто был с тобой?» — «Со мной никого не было, я одна». — «Кто сжег эти дома в эту ночь (а в эту ночь она сожгла три жилых дома, где жили немцы, но они убежали)?» Она ответила: «Сожгла я». Она спросила: «А сколько я сожгла?» Я ответила: «Три дома, и в этих дворах сожгла 20 лошадей». Она спросила, были ли жертвы? Я ответила, что нет. Она сказала, что вам нужно <было> давно уехать из деревни от немцев. При беседе были немцы, но они не знают русский язык. Утром она у меня просила дать во что-нибудь обуться. Немец спросил у нее: «Где Сталин?» Она ответила: «Сталин на посту», — и после этого отвернулась и сказала: «Я больше с вами разговаривать не буду». Переводчика еще <не> было. Жгла она дома. Дома сожгла граждан: Кареловой, через три дома — Солнцева и через два дома — Смирнова. Я с ней говорила минут 15-20. Затем мне сказали — уходи. Я пошла топить печку. Ее перевели на нары. Она легла, и опять приходили сотни немцев (это было утром, в 8 часов). Они смеялись. Она молчала, смотрела на них. Часов в 9 утра пришли 3 офицера, переводчик и стали ее допрашивать, а меня, мужа выгнали на улицу. В доме, кроме немцев, никого не было. Я вышла в соседнюю избу. О допросе ничего не знаю. Допрашивали ее часа полтора.

Когда пришли офицеры, то она сказала: «Вот ваши немцы оставили меня раздетой, оставили меня в рубашке и трусах». Ноги и таз у нее были избитыми, синими-синими.

Когда я с ней говорила, она мне сказала: «Победа все равно за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют. Нас еще 170 млн. Русский народ всегда побеждал, и сейчас победа будет за нами»(4).

В 10 часов 30 минут ее вывели из дома на улицу. Вышла вместе с офицерами, ее держали два немца под руки, так как она шаталась. Одета она была в ватные темно-синие брюки, в темной рубашке, носках серых, на голове ничего, и повели к виселице. Расстояние от нашего дома до виселицы — 4 дома. Вели до виселицы под руку. Я ушла, не дождалась даже, пока доведут ее до виселицы, так как не могла смотреть на эту картину.

Запись верна: Кулик

2) Кулик Василий Александрович (1903 г. р.). Во время допроса я был в другой избе и частично слушал допрос. Офицеры закрыли дверь. При допросе были офицер и переводчик. Переводчик три раза спрашивал: «Откуда вы, как звать вас?» Она ничего не ответила. Он сказал, что вы отыгрываетесь молчанием. Офицеры же молчали. Больше никаких вопросов ей не задавали. И она все время молчала. Допрашивали ее минут пять. Затем принесли ей брюки. Она сказала офицерам, что раздели ее в штабе. Ноги были у нее отмороженные, и она не могла встать, даже брюки она одевала сидя, она была избита до того, что не могла надеть брюки, и ей помогли [их] надеть. Брюки ей принесли с улицы сырые. Она все время охала от боли, от избиения. Она просила у них сапоги, ей не дали. Они ее ругали все время — быстрее одевайся.

Вывели ее из дому, при этом было человек 100 немцев только при нашем доме, а всего их было очень много: и пешие, и конные. Между виселицей и домом, в этом расстоянии, ей повесили табличку. До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Довели до виселицы. Вокруг виселицы было много немцев и гражданских. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать. Фотографировали ее много немцев с разных сторон. При этом ее поворачивали. При ней была сумка с бутылками. Она крикнула: «Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Это моя смерть — это мое достижение». После этого один офицер замахнулся, а другие закричали на нее.

Затем она сказала: «Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен». Офицер злобно заорал: «Русь!» «Советский Союз непобедим и не будет побежден» — все это она говорила в момент, когда ее фотографировали. Фотографировали ее спереди, со стороны, где сумка, и сзади.

Потом подставили ящик. Она без всякой команды стала сама на ящик. Подошел немец и стал надевать петлю. Она в это время крикнула: «Сколько нас не вешайте, но всех не перевешаете, нас 170 млн. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Это она сказала уже с петлей на шее. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла. Она взялась за веревку рукой, но немец ударил ее по рукам. После этого все разошлись. Возле виселицы в течение 3 дней стояли часовые — 2 человека. Так висела она 1,5 месяца. Повесили ее в центре села, на перекрестке дорог, на виселице, которая была в 50 м от домов, посреди слободы.

Запись верна: В. Кулик(5)

ЦАОПИМ. Ф. 8682. Оп. 1. Д. 561. Л. 55 — 76.

Автограф в блокноте простым карандашом и синими чернилами.

Опуб.: Москва прифронтовая. 1941 — 1942.:
архивные документы и материалы.
М., 2001. С. 564 — 566.

Примечания:

Документ представляет собой склеенные листки из блокнота размером 12,5×17 см. В них предположительно рукой А.Н. Шелепина (в то время секретаря МК и МГК ВЛКСМ) записывались по ходу расследования показания свидетелей и черновик акта эксгумации тела «Тани» — Зои Космодемьянской.

Далее идет следующая запись:

- «1) Посмотреть все 3 квартиры.
- 2) Сожженные дома.
- 3) Путь от дома до виселицы.
- 4) Оставшиеся вещи — плащ-палатку.
- 5) Могилу, труп, виселицу.
- 6) Акт.

- 1) Тов. Березин М.И., председатель Грибцовского с/с, беспартийный
- 2) Тов. Муравьев Н.И., зав. оргинструкторским отделом Верейского РК ВКП (б)».